

ЕВГЕНИЙ
СОТСКОВ

Аугенблик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Анатольевич Сотсков

Аугенблик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51677719

SelfPub; 2020

Аннотация

Сказать, что книга необычна – мало сказать! Роман уникален по своей необычности. И дело тут не в том, что в романе много ярких откровенных эротических сцен, и довольно часто встречаются нецензурные слова и выражения. А в том, что степень естественности этих сцен, этих неудобных выражений настолько высока, что герои представляются совершенно реальными людьми, которые обитают в том же мире, в котором живем мы с вами. Да, герои романа живут рядом. Мы видим их, встречаемся с ними. Мы с ними дружим, и мы с ними ссоримся. О чем роман? Можно много распространяться о составляющих мира этого романа, вычислять степень величины этих составляющих, сравнивать одно с другим... Но стоит ли это делать? Совершенно определенно – не стоит! На протяжении всего повествования показаны разные качества разных людей. Но одно человеческое качество над всем остальным возвышается абсолютной истиной: это человеческая доброта! И именно об этой человеческой доброте и повествует роман. Содержит нецензурную брань.

© Текст книги является безраздельной собственностью автора. Книга предназначена исключительно для ознакомительного прочтения. Всякое распространение данного текста без согласия на то автора является нарушением закона со всеми вытекающими из этого последствиями!

Авторская редакция

Сказать, что книга необычна – мало сказать! Роман уникален по своей необычности. И дело тут вовсе не в том, что в романе много очень ярких откровенных эротических сцен, и довольно часто встречаются нецензурные слова и выражения. А дело в том, что, если можно так выразиться, степень естественности этих сцен, этих неудобных выражений настолько высока, что герои представляются совершенно реальными... живыми людьми, которые обитают в том же мире, в котором живем мы с вами, находятся между нами.

Да, герои романа живут между нас. Мы видим их, встречаемся с ними. Мы с ними дружим, и мы с ними ссоримся.

О чем роман? Можно много распространяться о составляющих мира этого романа, вычислять степень величины этих составляющих, сравнивать одно с другим...

Но стоит ли это делать? Совершенно определенно – не стоит!

На протяжении всего повествования показаны разные качества разных людей. Но одно человеческое качество над всем остальным возвышается абсолютной истиной: это человеческая доброта!

И именно об этой человеческой доброте и повествует роман.

Сотсков Е.А.

2020 год. Дмитров

Внимание !

Данное произведение содержит нецензурную лексику, а так же сцены откровенного эротического характера и не рекомендуется к прочтению лицам, не достигшим совершеннолетия, а так же впечатлительным лицам и лицам с неуравновешенной психикой.

Все события и персонажи являются авторским вымыслом. Любые совпадения имён, фамилий и должностей персонажей с реальными именами живых или умерших людей, а также происходившими с кем-либо в жизни событиями – абсолютно случайны и совершенно непреднамеренны.

ПРОЛОГ

Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии.

Иосиф Бродский

Этот год для меня (да и не только) был необычным и знаменательным во всех отношениях.

В последние минуты года предыдущего самоотставился алкоголик государственного значения Ельцин Борис Николаевич, под занавес, принеся стране нелепые извинения.

Катастрофы всемирного масштаба, которую предрекали многочисленные прорицатели, в том числе и научные, народы мира так и не дождались – «Миллениум» не состоялся.

Израильский Кнессет избрал Моше Кацава в качестве восьмого президента Государства Израиль.

Владимир Путин был избран президентом России на первый срок. Молодой, малоизвестный, внушающий уважение и подающий надежды.

Знаменитая на весь мир страна-хулиган Америка выбрала

своего сорок третьего президента Джорджа Буша-младшего.

В Москве по-настоящему заработал бетонно-наливной Храм Христа спасителя.

Лидер израильской оппозиции Ариэль Шарон посетил Храмовую гору, со всеми, вытекающими из этого последствиями.

Появилось мощное орудие сексуального воздействия на мужчин России – группа «ВИА Гра»

Зачем-то сгорела знаменитая железобетонная иголка вся Москва – Останкинская телебашня.

Я, молодой и беззаботный, потерял серьезную работу, на которой планировал отдавать себя государству всю свою жизнь. Новая же работа (конечно временная) не имела с прежней ничего общего. Предприятие наше только что возникло – мы начинали с нуля.

* * *

Давным-давно это было.

Молоденькая секретарша моего начальника Тонечка Во-

робьева была от меня без ума (как она сама очень дипломатично дала мне это понять) и, в обеденный перерыв, да и не только, бегала ко мне в мониторку.

Началось это так: в один из таких обеденных перерывов, Антонина зачем-то принесла мне в мониторку кусочек торта, конфет в дешевой алюминиевой миске и баночку (неполную) какого-то своего национального (Антонина была девушкой еврейских кровей) варенья из редьки, с непроизносимым названием айнгимацх, на удивление вкусным, и, с еле заметным смущением тихо проворковала:

– Женя (Женя это – я), наши решили микро сабантуйчик устроить, вот, поучаствуй...

В этот момент, неожиданно для нас обоих, в коридоре послышался голос нашего Босса. Антонина испугалась, быстро огляделась, задержав взгляд на дверце огромного встроенного шкафа.

– Тонь, ты что? – реально удивился я.

– Знаешь, Жень, – зашептала она, – Босс говорит, что я неровно к тебе дышу!

Я мгновенно оценил ситуацию. По отдельно понятым словам начальника предположил, что в мониторку он не зайдет, но виду не подал. Вместо этого, я приблизился к Антонине, слегка прижал ее к стене и, заглянув в ее распахнутые от страха глаза, голосом демона-искусителя произнес:

– Правда? М-м-м-м... И ты мне тоже нравишься!

Антонина хлопала глазами и молчала.

Я, продолжал смотреть в ее влажные карие глаза и, приблизив свои губы к ее губам, но, не касаясь их, еле заметно покачал головой из стороны в сторону. Заметив, как глаза моей пленницы подернулись легким туманом, а дыхание действительно стало неровным, я... ничего не сделал, медленно отпуская красивую еврейскую девушку на свободу.

И так, мы дружили. Дружба наша была столь крепка и незыблема, что мне иногда даже приходилось действительно прятать ее в шкафу, когда в мониторку заходил начальник.

Начальник – Исаев Александр Николаевич (в девичестве Самсон Абрамович Кацман) был молод, красив (для самого себя), неумен и амбициозен. Маленького роста, этакий холёный типчик, всегда в одном и том же, идеально сидящем костюме, голубовато сером и всегда в разных рубашках (золотые запонки в манжетах). На шее постоянный, как аксиома, полосатый галстук, лакированные туфли и классически картавая речь. Поговаривали (со слов Лешки, водителя Исаева), что имелась у него жена – дама невероятных размеров, потная и неаккуратная.

– Посмотри, – обычно говорил он, – посмотри по камерам, где моя Антонина, что-то ее нет нигде!

Я обыкновенно смотрел по камерам и, даже, если Тонечка Воробьева и обозначалась где-то, говорил неправду:

– Не видно. Может в лаборатории?

– Да нет ее там... – задумчиво так отвечал начальник и

смотрел на меня подозрительно.

Тогда я, громко так, что б до шкафа дошло:

– Наверное, писает или какает!

– Издеваешься? – кривился начальник.

– Конечно! – бодро отвечал я (он же не знал, что я не над ним издеваюсь).

Когда начальник уходил, Тонечка элегантно выпархивала из шкафа, вся красная, хоть прикуривай. И тогда она мне очень нравилась!

Вот так мы и жили. На работе. Можно сказать, весело жили, интересно и разнообразно. И об этом далее...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В один из обычных дней тех стародавних времен, когда небо было голубее, трава зеленее и забористее, а Тонечка Воробьева была просто Антониной, я скучал, сидя за мониторами после глубокого здорового десяти часового сна на рабочем месте.

Маленькое пятнышко на экране быстро приближалось, преобразовываясь в странно хромающий девичий силуэт. Минув свой офис, Антонина ворвалась в мониторку. Волосы растрепаны, не совсем отвалившийся каблук неестественно свернут на бок.

– Ты представляешь, – возбужденно прощebetала она, излучая красивыми карими глазами знакомую мужчинам энер-

гию, – там такая огромная собака... ну, собака – мужик...

– Кобель, – поправил я Тонечку Воробьеву. – Собака-мужик – это кобель. У него яйца болтаются.

– Да! Еще какие... – задумчиво и как-то торжественно произнесла Антонина, густо краснея, и неотвратно делающаяся из просто хорошенькой девушки, в существо, непреодолимо притягивающее самцов всех видов и типов.

«Надо бы ее трахнуть», – подумал я, проваливаясь в ее необычайно глубокий взгляд.

– Ты представляешь, – уже хриловатым голоском продолжала она, – этот... кобель, он на меня... напрыгивал, и так делал, так делал...

– Ну-ка, как, делал? Как, покажи!

– ...Ну... вот так... не понимаешь, что ли?... А вдруг он искушает меня?

«Течка у нее что ли?» – подумал я, представляя, как огромная дворняга вгоняет своим собачим инструментом полоску ее трусиков в туда.

Помада на ее пересохших губках ощущалась сладким ванильным кремом.

«Точно. Течка!» – безапелляционно констатировал я, очень легко проваливаясь пальцем в такую известную неизвестность.

С тех пор миловидная девушка Антонина превратилась в

очаровательную Тонечку Воробьеву.

* * *

Через некоторое время (не очень продолжительное) после этого, в общем-то, незначительного происшествия, Тонечка Воробьева пригласила меня в свою еврейскую семью. Пригласила под видом сломавшегося телефона. Изобразив некоторое сомнение (искусственное конечно – мне очень нравилось, как Тонечка смешно надувала губки, изображая обиду – также искусственную конечно), я согласился.

Телефон оказался исправным, только слегка и неумело подпорченным. Положив руку на аппарат, я предположил – громко так, чтобы было слышно не только одной Тонечке Воробьевой, что ремонт потребует некоторого времени.

Тонечка заговорщицки улыбнулась и закрылась со мной в своей комнате, и мы... долго... разговаривали...

Чай – две изящные (некаждодневные) чашки на круглом подносике – с маленькими пирожными, впрочем, оказался весьма кстати.

...Потом родители провожали меня и загадочно так улыбались. Очаровательная Тонечка Воробьева выглядела счастливой. Да я и тоже... был весьма доволен сам собой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как-то раз всегда такая пунктуальная Тонечка Воробьева опоздала на работу на целый час. Каблук туфли, который я

в прошлый раз наспех пришурупил кривым саморезом по дереву, она держала между пальцами левой руки на манер сигареты.

– Вот! – произнесла она отстраненным хриплым голосом, глядя куда-то мимо меня.

– Сломался уже?

– Вот, опоздала...

«Ба! Да она пьяная!» – неприятно для себя самого понял я.

– Я не пьяная, – не заметив, что «поймала» мою мысль самой себе ответствовала Тонечка, – я отравилась. Блядь, как хуёво-то!..

– Самогон пили, что ли? – удивлялся я, искренне не понимая, как может произносить такое, интеллигентная во всех отношениях дама!

Тонечка Воробьева свела красивые глазки к не очень красивому носику так, что мне показалось, будто она левым рассматривает правую стену, а правым наоборот. Я стоял посередине и опасался того, что она меня вообще не видит.

– Ага. Самопляс ча-ча-ча! ...Как я такая к начальнику пойду?

– Не парься, нет его. В Москву укатил. Однако, похм... полечиться надо, – забросил я пробный шар.

Тонечка Воробьева думала с минуту. Потом попыталась развести глаза. Это, хоть с трудом, но получилось, правда, ненадолго.

– Зачем?

– Надо, – не понимая, к какому именно моему сообщению относится ее вопрос, универсально ответил я.

– Наверное, надо, – равнодушно ответила Тонечка Воробьева, безрезультатно пытаясь взять под контроль, живущие сами по себе, красивые еврейские глаза.

– Блядь, меня сейчас вырвет, – как мне показалось, удивленно и одновременно устало предположила Тонечка Воробьева.

Пожав плечами, я указал Тонечке на мусорную корзину. Она ринулась в угол, низко склонилась над корзиной, упершись руками в стены. Короткая клетчатая юбка не скрывала съехавшую в сторону полоску трусиков...

...Я лечил ее сзади, торопясь, потому что ни в какую Москву начальник не уезжал. Тонечка Воробьева самоотверженно блевала мимо мусорной корзины, совершенно не замечая, что происходит с ее задней частью! Два, так непохожих друг на друга физиологических акта, происходили параллельно и удивительно синхронно по всем своим возрастающим и стихающим ступеням, уверенно продвигаясь к своему завершению.

Мы кончили одновременно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В одно мое воскресное дежурство, когда никаких началь-

ников нет, Тонечка приехала на велосипеде. Сказала, что документы просили забрать.

Пустобрех-дармоед Мишка (сообакин сын) зачем-то залаял на нее. Наверное, на велосипед разозлился. Пришлось идти к ней на выручку.

Тонечка в мониторку не пошла – сразу наверх. Перед самым выходом, в коридоре я остановил ее, заглянул в глаза томным взглядом, бесцеремонно рукой забрался ей под короткую юбку и нежно провел ребром ладони меж ее ягодичками и весьма ниже.

Тонечка вспыхнула и... отстранилась. Впрочем, как-то так неуверенно отстранилась, не сразу.

«Ну, женские дела, наверное», – глубокомысленно оправдал я свою неудачу.

Я смотрел в ее красивые карие глаза, наслаждаясь такой знакомой (в определенные моменты наших отношений) глубиной, целомудренно чмокнул ее в щечку. Тонечка застенчиво опустила глазки, постояла так немного, вновь подняла на меня взгляд, и мило улыбнулась. Эта улыбка ее сладко проникла в душу, сжала сердце и опустилась вниз известным всем мужчинам напряжением.

Тонечка уехала на своем велосипеде, а я стоял загипнотизированный, и какое-то незнакомое, необъяснимое чувство медленно и неудержимо овладевало мной.

«Странная она какая-то сегодня, – недоумевал я, – необычная...»

* * *

В одну из промозглых ночей мне не спалось. Я смотрел в монитор и в гудах металла в цеху в своем воображении строил парадоксально необычные замки. Внезапно пришло воспоминание: Тонечка Воробьева как-то рассказывала, делая страшные глазки, что не ездит на велосипеде.

В следующее мое дежурство в будний день, между всем прочим, она поинтересовалась, как мне глянулась ее сестра-близняшка Аня?

В красивых глазах ее я прочитал озорство, граничащее с хулиганством.

– ...Вы... очень похожи... – попытался вывернуться я, совершенно сбитый с толку. – У вас одинаковые... эти... носики... но ты... ты, безусловно, красивее!

– Не-а! – не поверила Тонечка Воробьева. – Мы разные. Совсем разные!

– Правда? – очень заинтересованно спросил я... И надолго задумался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Один раз в конце своего рабочего дня Тонечка Воробьева куда-то очень торопилась. Заскочив на минутку ко мне в мониторку, она попросила выбросить использованный ру-

лон пленки от факса куда-нибудь подальше, а еще лучше, вообще сжечь. Наш начальник Исаев был весьма подозрительным, наверняка эта инициатива исходила от него.

Этот рулон я зашвырнул в шкаф и сразу про него забыл. Только через неделю, я его случайно обнаружил, и, отмотав немного, глянул на свет. Оказалось, что пленка сродни копирки. На ней было видно все, что печаталось на факсе. При следующей встрече с Тонечкой Воробьевой я сказал ей, что сама пленка не нужна, а вот пластиковая втулка, на которую она намотана, мне сгодится. С тех пор Тонечка Воробьева несколько месяцев таскала мне все использованные рулоны от факса. И конечно с пленкой. Ну, в самом деле, не сматывать же изящными женскими пальчиками с наманикюренными ноготочками километры пачкающейся пленки.

А я че, а я ни че! Дежурство длинное, делать все равно нечего. Вот я и читал и всeshеньки знал, чем наши начальники занимаются. Пре интереснейшее занятие, скажу я вам, милостиздари! Даже о самом мне что-то промелькивало.

Читая пленку, как увлекательный роман, я... задежурился глубоко за полночь.

Как назло утром у меня не сработал будильник, и я проспал приход начальника. Слава Богу, он не зашел в мониторку, как делал это обычно, а сразу прошел к себе наверх. Его звонок и разбудил меня. Он что-то спрашивал, я что-то отвечал... наверняка невпопад. Когда до моего сознания тревожными уколами дошла его озабоченность и подозритель-

ность в нашем телефонном разговоре, я почти проснулся.

– Антонина у тебя? – как-то уже знающе спросил он?

– Нет, конечно, почему у меня? – безнадежно фальшивым тоном отвечал я, просыпаясь окончательно.

– Сейчас приду! – ответил начальник и положил трубку.

Идти ему секунд сорок, успокаивал я себя, роняя стул, в срочном порядке убирая постельные причиндалы в многофункциональный шкаф.

Когда начальник вошел в мониторку, я, как и положено, бдел у экранов мониторов.

– Она что, не приходила еще, – раздраженно и больше утверждающе, чем вопрошающе пробубнил он, сильно скосив глаза на предательски раскрывающуюся и скрипящую дверь шкафа.

«Пиздец! – подумал я. – Точно теперь отберет мою любимую подушку. Одеяло... хрен с ним, телогрейками накроюсь, а вот подушка...»

Я отчетливо и ярко представил, как на этой подушке механически ритмично, возвратно-поступательными движениями существовало Тонечкино лицо, в обрамлении растрепанных волос, с глуповатой улыбкой наслаждения... И я твердо решил, что подушку не отдам ни за что!

– Не отдам!.. – ни к селу, ни к городу заявил я предательски хриплым голосом.

– Чего не отдашь? – спросил, сбитый с толку начальник, отвлекшись от шкафа.

– Вон она идет, – скорее предположил, чем увидел я, показывая на экран монитора.

Тонечка Воробьева действительно шла. Но шла как-то странно. Когда она была уже близко, я понял, что она тащит за проволоку что-то большое и неудобное. Начальник не разглядел этого, поэтому необычностью происходящего не заинтересовался.

– Если зайдет сюда, посылай сразу в лабораторию, – раздраженно скомандовал начальник, последний раз, перед уходом, бросив на шкаф уже не такой подозрительный взгляд.

* * *

Тонечка боком вдвинулась в мониторку, с гордостью представляя мне предмет, в котором сразу определилась внутренняя плата старого лампового телевизора, такая глупая, и такая трогательно ненужная.

Вот! – с нотками экстаза гордости воскликнула она, заглядывая мне в глаза с желанием моего восторга. – Я подумала, что тебе нужно!

«Боже мой! – испугался я. – Ведь я даже знаю, где эта плата валялась, сам этой дорогой хожу. С километр тащила! Куда ее теперь? Разве что дверь кафа подпереть...»

– Колготки вот порвала...

– Спасибо, заботливая ты моя! Все в дом! – похвалил я Тонечку Воробьеву, пальцами продвигаясь все выше по раз-

лезаящемуся шву ее колготок. – Может скотчем заклеить?
Иди сразу в лабораторию, начальник ждет.

– Я знаю, звонил. Как с такими колготками к нему?

– Сними их вообще, а то подумает чего!

– Точно!

Колготки добавились к подушке в шкафу.

* * *

Смена кончалась, я собирался домой. Совершенно ненужная мне телевизионная железяка неммым укором стояла в углу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как-то раз, на одной из многочисленных корпоративных пьянок, которые, иногда по поводу, а в основном без повода, очень любил организовывать Главный инженер – мужик грузный, потный и в шляпе, я проговорился, что полжизни занимаюсь радиосвязью. На следующий день начальник вызвал меня в свой кабинет. Понятное дело, не зная его намерений, я насторожился.

«Точно, – рисовал я в уме картины одна страшнее другой, – точно, спалил меня кто-то с Тонькой! Сейчас уволит на хрен!»

В кабинете начальника не оказалось. Зато у окна, под-

пирая подоконник огромным животом, задумчиво существовал Главный инженер, бессмысленно обмахиваясь своей шляпой.

– Александр Николаевич-то где? Только что вызвал? – невинным тоном спросил я колыхающееся пузо, пытаюсь выведать хотя бы направление интереса начальника ко мне.

– Пипиндра какая-то, а не погода, не могу больше эту жару терпеть! – красивым басом церковного певчего, про-рокотал Главный инженер.

– Михалыч, а в буфет столовки пиво свежее привезли. Холодненькое, – на всякий случай располагал я Главного инженера к себе.

– Да знаю я, рано еще.

«Еще б ты не знал, – изучал я Михалыча, – это твоё!»

– Так чего начальник-то звал?

– Сейчас придет. В туалет вышел.

– А Антонина наша где? – выпытывал я хоть что-нибудь. – Я ее что-то совсем не видел сегодня.

– После обеда будет, твоя Антонина.

«Точно, пиздец! – еще больше испугался я. – Вот он и проговорился!»

Выражение «твоя», как мне показалось, было произнесено с еле скрываемой издевкой.

Начальник, всегда пытающийся выглядеть деловым и от этого часто казавшийся глуповатым, стремительно прошел к своему столу, но садиться не стал.

– Евгений! – как-то странно торжественно произнес он. – Ты же ведь у нас радиолобитель!

– ...Ну, вроде того, – уже понимая, что сегодня меня точно не уволят, все-таки с неуверенностью произнес я, – починая понемногу...

Голос мой крепчал от удовольствия ощущения – беда проходила мимо.

– У меня в мониторке даже плата от телевизора валяется. Хочу из нее гирлянду на Новый год сделать. А что, Александр Николаевич, – уже начинал издеваться я, – из проволоки каркас елки, стружкой ее, мигалки разные внутрь... красиво должно получиться!

– Да знаю я про твою плату, – помрачнел начальник... – М-м-м... я тебя по другому поводу позвал. Я про другое. Предприятие у нас молодое, сам понимаешь, еще ничего нет. Вот, у вас в охране даже раций нет. Я про это хотел поговорить. Как-то можно это организовать? Деньги я дам.

– Не вопрос! – возликовал я. – Как раз моя тема!

– Ну, ты там подумай, что надо, расскажешь потом.

– Да чего тут думать-то, я давно в теме. Только в Москву надо ехать, – настраивал я под свои интересы финансовую сторону своего начальника. – Я вот что предлагаю, я посмотрел на крыше старую антенну. От прошлых хозяев осталась. Обычная ГП-шка, у нее, правда, диапазон не тот, но я переделаю. Трубок в цеху полно.

– ГП-шка – это что? – нескрывая поглупел начальник.

– А-а! Это от английского Ground Plane, – продолжал издеваться я, – плоская земля. Три четверти лямбда. Самое простое. Никакого согласующего устройства не надо. Как раз пятьдесят Ом волновое сопротивление. Я свои рации принесу, ходим с ними. Хотя, тут полгорода покрыть можно.

Начальник нервно постучал пальцами по столу. Не садился.

– Все. Работать иди. Потом договорим, – прогонял меня Исаев.

– Ага. На крышу надо попасть. Ключ нужен.

– Хорошо. У Главного спроси. Или у Тони. У нее где-то коробочка с ключами была.

– А она где? Я ее сегодня не видел.

– И не надо. За реактивами поехала.

* * *

Тонечка Воробьева пришла только к концу рабочего дня, в мониторку заскочила на минуту.

– Александр Николаевич мне вставит, я здорово опоздала, – не отдышавшись, протараторила Тонечка.

– Откажи ему! Скажи, что у тебя месячные.

– Дурак! – очаровательно краснея, выдохнула Тонечка, опустив глаза.

– Чего это я дурак? – издевался я.

– Дура... дурачок... – потеплела Тонечка. – Ладно, пойду.

– Подожди, Исаев говорил, что у тебя какая-то коробка с ключами есть, надо от крыши найти.

– Зачем?– лукаво пропела Тонечка Воробьева.

– На свидание тебя приглашу. Прикинь, романтика и экзотика в одном флаконе!

– Я что, кошка что ли? – плохо изобразила Тонечка обиду, мило надув губки.

– Какая ты у меня вульгарная! – изумился я. – Знаешь, какие великолепные виды оттуда! На токарный цех, на литейный. Город видно. Кожно-венерологический диспансер!

– Сам ты вульгарный, – мило улыбнулась Тонечка Воробьева. – Ладно, обсудим, пойду...

– Про месячные не забудь!

– Дурачок...

* * *

Поздним вечером того же дня, когда весь персонал сгинул, я забрался на крышу. Жар летнего дня ушел, но нагретый за день рубероид густо вонял гудроном и лип к тапочкам. Я осматривал антенну, прикидывал, как буду ее переделывать. Вопреки всем правилам, антенна крепилась к мачте, которая раньше, еще до самой антенны, служила громоотводом. Громоотвод возвышался на бетонной коробке, с выходной дверью, довольно высоко над крышей. Я находился на этой самой коробке и придумывал, как снять антенну с такой

высоты. Поверхность крыши была метрах в трех подо мной.

– Жень! Жень! Ты тут? Жень!

Тонечка Воробьева стояла подо мной и смешно крутила кудрявой головкой в разные стороны.

– Побереги-и-сь! – гаркнул я сверху, сложив рупором ладони.

Тонечка Воробьева дернулась, не эстетично отпрыгнула в сторону, упала на одно колено. Туфля с одной ноги соскочила, отлетела прочь и гораздо дальше своего каблука.

«Блядь, – проскочила мысль, – опять пришурупливать придется!»

– Еб твою мать! – провизжала незнакомыми нотками милая Тонечка Воробьева. – Я же обоссалась вся!

Мгновенно поняв, что переборщил, я лихорадочно искал спасительные слова!

– Тонечка, милая, это ты что ли? Я же не знал...

Минут через десять мы стояли у ограждения, довольно высокого – примерно с метр, сваренного из арматурных прутков. Тонечка Воробьева восхищалась открывшимися видами и по-детски показывала пальчиком с обломанным ноготком то в одну сторону, то в другую...

– А вон, смотри, там вон дырка в заборе, через, которую мы на работу лазаем... А вон Муська наша... кис-кис-кис!

Муська, непонятного от многолетней грязи цвета, тощая заводская кошка, несинхронно шевелила ушами, пыталась

определить, откуда ее зовут.

– А вон Мишка, – почувствовав наступающую хрипоту, вытолкнул я из себя, – какую-то пришлую сучку херачит! Тащатся оба, наверное...

* * *

Тонечка Воробьева упиралась в плохо сваренные скрипящие ритмичной музыкой прутки арматурного ограждения. Когда она поворачивала голову с волнующимися пружинками кудряшек, маленький полуоткрытый ротик, со смазанной губной помадой, алел на белом, в вечернем сумраке, лице. Упрямо сжатые губки придавали этому лицу сосредоточенность и строгость.

Горизонт пылал фантастическим огнем. Старая антенна на длинном громоотводе восклицательным знаком возвышалась над нами, подчеркивая значимость бытия.

Предательская мысль в моей голове портила божественное действие: «Черт возьми, наверное, здорово это выглядит снизу!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Женька, – сияла широко распахнутыми красивыми еврейскими глазами Тонечка Воробьева, – Исаев машину свою дает. Меня посылает в Центральный документы отвезти.

Про тебя спрашивал. Поедешь?

– Не-а, – набивал я себе цену. – Смена кончается, чего я свой выходной тратить должен?

– Да нет же, – тараторила Тонечка возбужденно, – я его уговорила тебе потом отгул дать.

– Не-е, – торговался я, будто бы разговаривал с начальником, – мне здесь хорошо. Я же не нанимался в командировки ездить!

– Ну Женька, ну поехали... Он же говорил, что ты сам ему предлагал!

Тонечка Воробьева деланно надула губки, утрированно изображая сожаление, хотя оттенок растерянности проступил настоящий.

– ...Ну, я не знаю... – перешел я на чистый женский язык.

– Поедем, а? – по-кошачьи заглядывая в глаза, тихо протянула она.

«Умеет, однако! Прелесть какая!» – в уме заметил я, делая длинную паузу, любуясь заметно возрастающей тревогой моей прелестной собеседницы.

– Ладно, уговорила, – деланно согласился я. – Только ради тебя!

Тонечка Воробьева совсем по-детски запрыгала, выказывая искреннюю радость.

– Но учти, – строгим тоном преподавателя воскликнул я, – это будет чисто деловая поездка!

После небольшой паузы, Тонечка неуверенно ответила:

– ...Ну да, конечно... Мы же по делам.

Сколько разных эмоций было на лице Тонечки Воробьевой! Я читал это лицо, как удивительный по красоте роман, который, в своем длительном продолжении, обещал очень и очень много интересного!

– Мы прямо сейчас едем? – по-деловому поинтересовался я.

– Да. Исаев в СЭС с утра, к обеду только будет, Лешка на заправку поехал, сейчас будет.

Лешка, Водитель начальника, очень молодой парень, жил только своей работой, своей рабочей «Волгой». Часто заходил ко мне в мониторку. Мы дружили. Эта дружба была с обоюдным интересом. Лешка любил поговорить, собеседников не находил. Я притягивал его искусственным умение слушать. Он же невольно поставлял мне большое количество информации об устройстве нашего предприятия «наверху». Хотя не скрою, чувства мои к нему были действительно очень теплыми. Лешка был просто добрым и бесхитростным. Я ценил это и никогда этим не злоупотреблял.

Любуясь Тонечкиным лицом-романом, я не заметил, как подъехал Лешка. Он зашел в мониторку, внезапно заставив Тонечку вздрогнуть.

«Бедная, – искренне пожалел я ее, – зашугал ее начальник, всего боится!»

Лешка поздоровался, велел поторопиться.

Мы сели в «Волгу»: я – впереди, Тонечку сослали на заднее сидение (я предположил, что для конспирации сразу лучше вместе не садиться).

Лешка поправлял зеркало заднего вида. В нем на мгновение промелькнуло недовольное и даже немного обиженное личико Тонечки Воробьевой. Я обернулся к ней.

– Ну что, удобно? – заговорщицки подмигнув, спросил я.

– Ага! – поняла что-то свое Тонечка, делая вид, что рассматривает содержимое объемистой папки с бумагами.

– Мне еще в три места надо сгонять, – сетовал Лешка. – Сейчас решим, куда сначала.

– Чего решать – меня в последнюю очередь, – выгадывал я. – Как же я обратно добираться буду?

– Нет, так не получится, – погружал меня в реальность Лешка, – не успеем. Давай так: я вас с Тонькой по точкам раскину, потом по своим делам, потом вас всех соберу.

– Ага, – испугалась Тонечка Воробьева, – я быстро все сделаю, куда потом денусь? В офисе сидеть?

– Леша, – используя его легкую грубость как инструмент, слегка возмутился я, – не Тоньку, а Антонину, девушку интеллигентную во всех отношениях! Ладно, давай так: сначала отвезем документы – это не долго, я думаю, тебя минут десять не задержат, потом со мной в Центр связи. Там я не знаю, как получится. Но на меня особо не рассчитывай. Центр связи черт знает, в какой дыре, там заводы какие-то. Может статься, что я задержусь. Я от туда позвоню на твою

мобилу.

Тонечка Воробьева сидела молча. Наверное, с видом, будто решается ее судьба – не знаю, не видел, но это предполагалось. И как-то я забыл про то, что эта поездка только для меня – приключение, что ей надо и о делах подумать.

Рациональный Лешка задумчиво произнес:

– М-да... Представляю, что будет, если я вернусь один.

Я понял, что стоит немного серьезнее отнестись к нашей поездке.

– Почему один? – отыгрывал я назад. – Просто может так получится, что мы выберемся куда-нибудь, где тебе проще нас забрать.

– Ну, давай так, – согласился Лешка. – В общем, посмотрим.

– Тоня, тебе самой как? – повернулся я к Тонечке Воробьевой. – Давай так?

Тонечка сидела в какой-то прострации, почему-то держа документы «вверх ногами».

– ...Дам так... – отсутствующе протянула она. – ...А? Что? Мальчики, да мне вообще все равно. Я на все согласная!

Последние слова Тонечка Воробьева произнесла театрально и напыщенно.

В этот момент Лешка завел двигатель, газанул пару раз, прислушиваясь к его, только ему понятной «музыке», мало замечая, что происходит вне поля его внимания.

* * *

Километров пятнадцать мы ехали неинтересно, болтая с Лешкой о том, что Исаев хочет «Газель» покупать, собирается строить гаражный бокс. Я сетовал на нерациональность некоторых решений начальника.

– Чего строить? Вон старые складские помещения просто так стоят. От говна и дохлых кошек очистим, ворота новые – и вот тебе, прекрасный гаражный бокс!

– Жень, с нами интеллигентная дама! – внезапно вернул мне мой же мяч, а может быть, просто проявил галантность Лешка.

– Да ладно, – как-то зло проговорила Тонечка со своего места.

– Извиняюсь, – противничал я, – от человеческих фекалий и трупов мелких не очень домашних животных.

С минуту мы молчали.

– Леш, я бы назад пересел, – раздраженно проговорил я, – не могу сидеть на месте Исаева. Такое ощущение, что он сзади сидит, и скрипит зубами по поводу того, что я его с переднего места прогнал.

– Это Антонина наша скрипит. Она любит на переднем сидеть!

– Черт возьми, – заревновал я, – ты так хорошо это знаешь!

Лешка ничего не ответил. Его внимание было занято сотрудниками ГАИ и их машиной известной расцветки, мимо которой мы проезжали.

– Чего, Тонь, – повернулся я, – пересядешь к Лешке?

– Боже упаси! Он там своей жопой сидел! – первым, что пришло в голову, подыграла мне интеллигентная во всех отношениях дама. – Я тоже здесь хочу...

Концовка последней фразы «...я здесь хочу...» в моей голове, помимо моей воли, интерпретировалась по-особому. Я очень ярко представил невозможную в реальной жизни сцену, в которой Лешка сосредоточенно крутил баранку, а я, в порыве необузданной страсти, сдирал со стонущей от нетерпения Тонечки Воробьевой ее одежду. Отравленное внезапным желанием сознание рисовало неестественные картины. Вот, всегда мешающие жить нормальным людям Гаишники, параллельно нашей «Волге» гонят на своих «Жигулях»; вот, один из них полосатым жезлом приказывает нам остановиться... не Лешке, приказывает, а нам с Тонечкой...

Я очнулся от резкого торможения. Лешка лихо припарковался на обочине.

– Пересаживайся быстрее, движение плотное, совсем времени нет, – торопил Лешка.

Я быстро перескочил к Тонечке Воробьевой, предвкушая более комфортные условия поездки. Впрочем, Тонечка Воробьева дипломатично положила папку с документами на середину сидения, обозначив виртуальную границу между на-

ми.

Лешка резко тронулся, профессионально, сразу перестроился в левый ряд.

Какое-то время мы ехали молча. В зеркале заднего вида я несколько раз поймал его любопытный взгляд. Мы с Тонечкой Воробьевой почему-то сидели так, как будто находились в школьном классе, на первой парте, под неусыпном взглядом строгой учительницы.

Я начинал скучать. Чувствовалось, что и Тонечка скучала.

– Чего везешь в Центральный? – нейтрально спросил я?

– А, накопилось. Давно надо было.

– Дай посмотреть, если несекретно, – глянув Тонечке в глаза, безразличным тоном произнес я, протягивая руку над папкой к Тонечкиной коленке так, чтобы Лешка ничего не смог увидеть в свое подглядывательное зеркало.

Тонечка выпрямилась, как выпрямилась бы примерная ученица в классе, сидящая на первой парте, понимая, что строгая учительница посмотрела именно на нее, выбирая, кого вызвать к доске.

Несмотря на летнюю жару и неизбежную духоту в салоне, на ощупь Тонечкина коленка оказалась неестественно холодной. Инстинктивно Тонечка Воробьева сжала коленки, заключив мою руку в такой желанный плен. Я бросал взгляд на зеркало заднего вида, определяя, куда смотрит Лешка.

Пользуясь тем, что у Тонечки Воробьевой не было возможности сопротивляться, чтобы не выдать меня (и себя за-

одно), я наслаждался ее беспомощностью. Тонечка густо покраснела, низко склонилась над бумагами в папке. Своей ладошкой она попыталась стащить мою руку с коленки, изо всех сил впиваясь ноготком в мою кожу. Эта боль, причиняемая прелестным существом, мне понравилась. Почти без труда моя ладонь медленно завоевывала пространство между Тоничкиных коленок.

– Тонь, – спросил, ничего не подозревающий Лешка, – Михалыч, вроде, опять корпоратив собирает. Ты не знаешь когда?

– Нет, – односложно хриплым голосом ответила Тонечка, на мгновение, ослабив силу сжатия коленок.

Я тут же воспользовался этим и весьма продвинулся вперед в своем намерении. Тонечка Воробьева так знакомо сжала губки, еще больше склонившись к спасительной папке.

– Так, что тут у нас такое интересное? – спросил я папку, нащупывая полоску Тонечкиных трусиков, и гоняя ее влево, вправо...

– Н-не-н-надо! – жалостным, и выдающим меня с головой голосом очень тихо проговорила Тонечка.

Лешка серьезно глянул из зеркала.

– Действительно, не надо, – испугал он меня.

Моя рука застыла, Тонечкин ноготок впился мне в кожу еще сильнее.

– Не надо, – повторил Лешка. – Исаев не любит, когда его документы смотрят.

– Да ладно, – придав своему голосу нотки обиды, сказал я, очень медленно выдвигая свою руку из такого притягательного плена Тонечкиных коленок. И резко переменял тему.

– Лешь, смотри, баннер какой нелепый! – показав свободной рукой влево, воскликнул я.

Мы проезжали мимо огромного рекламного баннера, закрывающего безобразие какой-то стройки. На баннере была изображена сексапильная голубоглазая блондинка, со струящимися по плечам волнистыми волосами. На блондинке была форма капитана милиции. Нелепая крошечная форменная пилотка, явно декоративная, красивой заколкой с трудом удерживалась на голове. Неестественно большая грудь не позволяла даже теоретически застегнуть верхнюю пуговицу милицейского мундира. Полосатым жезлом, красавица показывала вверх на надпись «Счастливой дороги!»

«Блядь! Истинная Блядь! – восхитился я в душе. – Но до чего хороша, чертовка! И жезл в таких ручках уже и не совсем жезл...»

Я представил Тонечку Воробьеву в милицейском мундире, с пилоткой на голове и почему-то сразу с двумя жезлами в обеих руках. Одним жезлом Тонечка – милиционер указывала вверх на надпись «Хочу!», другим вниз на надпись «и могу!». Подхлестнутое физическими ощущениями изображение извращало картинку. У воображаемой Тонечки-милиционера на поясе висела непропорционально огромная кобура, больше похожая на декоративный замок верности, го-

товый упасть от легкого прикосновения. Такая Тонечка Воробьева мне не понравилась.

– Нет, – уверенно заявил я, – мундир тебе не пойдет.

– П-п-оч-ч-ему?.. – почти мужским сухим голосом без интонации вопроса проговорила Тонечка. Мне показалось, что так должен говорить человек, у которого во рту целая горсть монпансье.

Лешка уже с каким-то страхом глянул из зеркала.

Я медленно выдвигал свою руку. Синхронно с этим расслаблялись Тонечкины коленки. Я решил провести эксперимент. На секунду задержав руку, я почувствовал, что так же задержалось и расслабление коленок. Я двинул руку обратно вглубь. Коленки пропорционально сжались. Прodelав такие развратно-поступательные движения несколько раз, я понял, что моя рука и Тонечкины коленки – суть единое целое.

– Ладно, хрен с этими документами, – освободил я Тонечку Воробьеву. – Сколько еще ехать?

– Минут сорок, – ответил Лешка, – время есть.

* * *

Окончательно решили сначала ехать в Центр связи. Лешка укатил, оставив нас с Тонечкой у огромного серого здания с целым войском разномастных антенн на крыше.

– Смотри, какие классные антенны, – обратил я Тонечкино внимание на крышу серого здания Центра связи.

– Опять антенны... – испугалась Тонечка Воробьева. – На крышу не полезу!

– Ты что, радость моя, – искренне изумился я, – какие у тебя вульгарные фантазии!

Мне ярко представилась динамичная картина: по центру широкого двора здания Центра связи, обрамленного разношерстными легковушками, собралась толпа персонала. Головы у всех подняты вверх. Все наблюдают за действием странной пары на крыше. Дама в милицейской форме руками вцепилась в стальные ограждения, незнакомец интенсивно толкает ее сзади. Сначала, вертясь в воздухе, падает один полосатый жезл, издали похожий на черно-белую осу, потом второй... Затем, похожая на большую бабочку, очень долго порхает декоративная милицейская пилотка, стараясь в полете своим дотянуться до ног наблюдающих. Внизу возбужденный людской ропот, вверху разномастные восклицательные знаки антенн...

Я стряхнул наваждение, взял Тонечку за руку, уверенно повел в здание Центра связи.

Я не раз бывал в нем, знал, что и где. Знал, что на первом этаже еще идет ремонт и почти никого не бывает. Знал про лестницу, ведущую в закрытый на замок подвал, про темное пространство под лестницей, пыльное и прохладное, заваленное всяким хламом...

– Куда ты меня ведешь? – испуганно вопрошала Тонечка Воробьева.

– Не пугайся так, – успокаивал я ее, – не на крышу это точно!

Тонечка Воробьева, прижатая спиной к металлическому стеллажу, с распахнутыми глазами, существовала явно не в этом мире. Стеллаж ритмично скрипел, с него валялись какие-то провода, приборы, сыпались мелкие стеклянные шарики неизвестной природы и непонятного назначения, тягучей лужей растекалась вонючая побелка, подбираясь к Тонечкиным туфелькам. Воздух все больше и больше густел пылью...

– БляТЬ!.. БляТЬ!.. – через равные промежутки времени, с остервенением, то ли порицая себя, то ли выражая истинную суть наслаждения, низким упрямым голосом, сквозь сжатые зубы, резала Тонечка Воробьева.

* * *

Я созвонился с Лешкой. Оказалось, что у нас с Тонечкой было в запасе еще часа четыре свободного времени. Мои радиодела предполагали второй, а то и третий приезд. Мне было грустно от того, что в эти следующие приезды Тонечки Воробьевой со мной не будет. А так хотелось повторить эту романтическую командировку!

* * *

Мы до усталости нагулялись по парку на Воробьевых Горах, катались на фуникулере.

– А знаешь, Тонечка, радость моя, что Воробьевы горы названы в твою честь? – спросил я, нежно постукивая кончиками пальцев по содранной коленке?

– Конечно знаю, – улыбалась Тонечка, положив свою кудрявою голову мне на плечо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Моя смена подходила к концу. Я скучал. Мониторы, вечно показывающие одно и то же, к концу смены воспринимались, как безликая мебель, хотя нет, хуже – они слегка гудели, не давая расслабиться полностью.

«Надо выключатель поставить» – изобретал я.

Проблема в том, что по правилам видео мониторинга, оператор был ограничен в правах. Вся проводка, все кабели были заделаны наглухо в коробах, никаких розеток, все опломбировано. Однако гудение этих ящиков здорово меня раздражало, и я объявил этой технике войну.

– Алексей, – встретил я Лешку, – а где Антонина наша? Услали куда?

– На больничном она. Исаев уже в курсе. Злой, как собака!

– Что с ней? – удивляясь своему равнодушному тону, спросил я.

- Да, просвистело где-то... говорит – гланды.
- Кому, говорит? – насторожился я.
- Исаев сказал. Она же у него отпрашивалась.

В моем полусонном сознании возникла необычная картинка: пустобрех Мишка, неестественно больших размеров, с болтающимся Исаевским полосатым галстуком и с Исаевской же физиономией, противным фальцетом гавкает на Тонечку Воробьеву. Испуганная Тонечка, с завязанным на шею ярко оранжевым шарфом, вжавшись в угол, хлопает испуганными глазками...

Стряхнув наваждение, вызванное хроническим пересыпанием на рабочем месте, я бессознательно проговорил:

- Навестить надо бы ее...
- Исаев меня хотел послать, потом передумал.
- А чего «Самого» нет? – заревновал я.
- В администрации он, – как-то торопливо успокоил меня Лешка, – к обеду будет.

- Ты, стало быть, свободен сейчас? – прощупывал я почву.
- Не-а, – не поддался Лешка, – ходовую надо посмотреть.

Завтра в Новомосковск ехать.

- Ты один, что ли поедешь?
- Нет, – почему-то раздражаясь, ответил Лешка, – Ленка со мной, Антонина же болеет.

Леночка, наша лаборантка, устроилась к Исаеву гораздо позже всех нас. Маленького роста, худенькая девочка, испуганная по жизни, этакая «серая мышка», впрочем, не ли-

шенная своеобразного очарования, еще не успела вписаться в наш коллектив (по крайней мере, пока ни разу не побывавшая на наших корпоративах), была небезразлична Лешке. Я «прочитал» это сразу, хотя очевидно было, что Лешка это всячески скрывал. Тут я понял, что раздражительность в голосе Алексея вовсе не была таковой. Стеснительный по натуре, он элементарно боялся ехать с ней в такую длинную командировку. Мне стало жаль моего друга, и я совсем не знал, как ему помочь.

* * *

Пока я шел домой, продумывал, стоит ли к больной Тонечке идти или стоит подождать ее выздоровления. Совесть и желание (в основном последнее) все больше и больше перевешивали чашу весов в сторону... Тонечку навестить. Аргументы возникали самые неожиданные!

Протопанная за многие годы тропа шла через небольшой лес. Каждый куст приглашал в гости и не только меня одного. Я твердо решил осуществить две вещи: сходить к больной Тонечке Воробьевой и, как-нибудь, сводить ее в эти самые... гости.

Я купил килограмм апельсинов (ох, уж эти апельсины, как тяжело они доставались в те времена!) и отправился по уже знакомому адресу.

Подожженная когда-то малолетними хулиганами кнопка

звонка больно врезалась в подушечку пальца. Я позвонил раза три. За дверью послышался хриплый, мало несущий информацию, голос Тонечки Воробьевой, предположительно спрашивающий, кого это черт принес, хотя наверняка сказать не могу; после моего обозначения, слышалась долгая возня, что-то падало, что-то скрипело. В общем, активность была такова, будто бы во всей квартире решили срочно переставить всю мебель...

– Сейчас, подожди, – хрипело за дверью.

Дверь медленно открылась, и Тонечка Воробьева обозначилась в дверном проеме. Высунувшись наружу, она заговорщицки оглядела лестничную клетку.

– Заходи. Давай скорее!

Вид у нее был интересный: махровый халат, пушистые тапочки с мордами котят и... толстый оранжевый шарф на шее!

– Чего ты так на меня смотришь? – с укором прохрипела она. – Живая я!

– Правда? – неуверенно спросил я.

– Представь себе! – переходя с сипения на хрипение и обратно, на манер тирольских песен, утверждала Тонечка Воробьева.

– Вот... – растерявшись, проговорил я, – апельсины тебе принес... оранжевые...

– А чего, другие бывают? – насильовала больные связки бедная Тонечка Воробьева.

– ...Ну, я в смысле, по-французски оранж – это апельсин.

– Мы чего, по-французски говорить будем? – как мне показалось с обидой, хрипло сипела Тонечка, пропуская меня в прихожую.

В прошлый, тот самый первый, телефонный раз, Тонечкина квартира жила родственниками. Направляясь к ней, я резонно полагал, что мне снова придется ловить их сладенькие все понимающие взгляды. Однако теперь в квартире была какая-то совсем неестественная тишина. Неестественная еще и потому, что Антонина действительно выглядела больной, всеми брошенной. Я вспомнил грохот передвигаемой мебели, и, чуть ли не на полном серьезе предположил: домашки попрятались в шкафы, а шкафы переставили дверцами к стенам. И вот они там сидят теперь и прислушиваются к каждому звуку...

Однако, проходя в Тонечкину комнату, я не заметил ни одного предмета мебели, стоявшим задом наперед.

– Тонечка, душа моя, – ласково и одновременно испуганно проворковал я, – а что ты делала только что? Что за шум такой я слышал за твоей дверью?

– А-а, – совершенно спокойно сипло хрипела Тонечка Воробьева, – я антресоль разбирала, а оттуда посыпалось...

Я ярко представил, как, стоя на мысочках на табуретке, Тонечка тянется вглубь антресоли... Вот слева и справа от нее сыплются всякие сверки, старые ботинки, кастрюли, вот примус грохнулся об пол... вот старая закопченная керо-

синка покатила по кругу... Тонечка Воробьева машет элегантными ручками, ничего не может поймать... оранжевый шарф развивается...

– Ну и где это все? – недоуменно спросил я.

– Как где? – правдиво изумилась Тонечка. – Назад записала все!

– Ну, а ты вроде как болеешь! – продолжал не понимать я. – Кстати, как болеется?

– Да нормально все, – хрипела и сипела Тонечка, – только глотать очень больно. Температура высокая.

– Ну ты даешь, радость моя! Разве так можно!

– Ну, не могу больше лежать. Надоело.

– А где все твои? – осторожно поинтересовался я.

– Одна я, – вдруг застеснялась Тонечка Воробьева и опустила глаза вниз.

Я следил за ее взглядом, подозревая, что она, хоть на мгновение, глянет на какой-нибудь шкаф.

– Ну, – неопределенно просипела Тонечка Воробьева, – так получилось.

– Тебя что, бросили? – ужаснулся я. – Тебя оставили умирать одну и некому, типа стакан воды подать?

Тонечка тепло так, совсем по-домашнему улыбнулась и почти без хрипа и сипения нежно произнесла

– Дурачок!

Слово – пароль! Слово – ключ! Слово – рубильник! Во мне что-то щелкнуло... включился какой-то мощный меха-

низм!

– Немедленно в кровать! – почти прокричал я. – Это я тебе как доктор говорю!

К чему я это брякнул? До сих пор понять не могу.

Тонечка Воробьева стояла передо мной такая открытая, такая желанная! Раскрасневшееся лицо ее, то ли от температуры, то ли от желания было прекрасно! Красивые еврейские глаза блестели и излучали такую энергию, которой я противостоять не мог... да и зачем?

Апельсины, рассыпанные по полу в странном безобразии своем, яркий оранжевый шарф, наброшенный на телевизор, все это усиливало нашу страсть. Тонечка Воробьева, разметавшись на измятой постели, мотая своей чудной головкой из стороны в сторону стонала, и бормотала странные незнакомые мне слова на языке, чем-то похожим на немецкий.

– Какая же ты у меня горячая, – также бормотал я, почти не понимая, что бормочу.

– Тем-ах-тем-перату-ра... – перешла на русский Тонечка Воробьева.

Дыхание Тонечки было горячим. Ипил я его, как пьют воду в горячей пустыне. И вкус у воды той был полынным, и пахла вода та медом и... фурацилином...

На секунду показалось мне, что из того самого угла на моей работе, побитой собакой, поджав хвост, в полосатом галстуке ринулся прочь Исаев Александр Николаевич.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наш Главный инженер Постнов, который с пузом и в шляпе, отравил «паленой» водкой весь мужской персонал нашего предприятия и отравился сам. В то смутное время такая диверсия в отношении несчастных людей была вовсе не редка, если не сказать большее – в порядке вещей. Одним словом, очередной корпоратив не удался. Более жизнеспособными оказались наши милые девушки, они водку не пили, а вот нашему «сильному» полу не повезло. Мои сменщики (все как на подбор бывшие менты) как-то смогли разъехаться по домам. Я же, к ментам не относящийся, не смог.

Очнулся я в своей мониторке, на диване, хотя у меня должен был быть выходной. И это правильно: на посту должен быть часовой! А в каком он виде, дело второстепенное. Впрочем, оказалось, что я был не один. В моих слезящихся глазах каруселью слева направо и вниз поворачивалась комната, поворачивались стены, стол с мониторами и неузнаваемый пока человек, сидящий за этим столом.

С трудом разлепив склеенные губы, я попытался обозначить вечное торжество жизни над смертью. Торжество никак не обозначалось, хоть тресни! Поворачивающийся вместе с пространством человек смотрел в мониторы и никак не хотел замечать, что жизнь за его спиной пытается торжествовать.

Я закрыл глаза и попробовал успокоиться. Это удалось, и я сделал несколько глубоких вдохов! Открыв глаза, я увидел, что поворачивающимся (слева направо и вниз) человеком оказался Лешка. Вероятно, мои вдохи являли собой достаточную степень торжества жизни над смертью, и Лешка их услышал.

– Ну, слава Богу, – проявил он озабоченность и нетерпение.

– ...Зачем я?.. – просипелось у меня.

– Наконец-то, – не обратив внимания на мой вопрос, пробубнил самому себе Лешка.

– Леш, а ты чего здесь? – медленно приходил я в себя.

– Тебя Исаев велел домой отвезти, если очнешься, – как мне показалось, очень зло ответил мой друг.

Я с ужасом представил, что надо вставать, куда-то идти, потом ехать...

– Не-е-е-е... – очень длинно протянул я, – не надо, я лучше уж тут...

– Ну и хрен с тобой! – еще больше злясь, проговорил Лешка. – Жив и то ладно.

– А где все? – начинал проникать в действительность я.

– В пизде на верхней полке!

Лешка совсем выходил из себя, и я никак не мог понять, в чем причина. В моей памяти образовалась дыра, и цвет у дыры той был черный. Я ничего не помнил. Ну не совсем ничего, помнил музыку, помнил качающимися качелями стол...

помнил даже свой дурацкий вопрос: «Худа ты мне это хладешь-то?..» – но далее ничего. Не помнил даже, кто, что, за чем, и куда мне это клал.

– Леш, – простонал я, – не помню ничего!

– Совсем ничего? – спросил он каким-то издевательским тоном.

– Почему ничего? – нелогично возмутился я. – Музыка была...

– Му-у-зыка! – почему-то задумчиво протянул Лешка. – Му-у-зыка, повторил он.

Лешка мне казался странным. Я не понимал почему.

– Ну, ты поедешь, или не поедешь? – заканчивал разговор Лешка.

– ...Давай отложим это на... некоторое... неопределенное в будущем время, – запросил я.

– Хуя се! – переходя на фальцет, возмутился Лешка, – графин какой!

Я понимал – что-то случилось и это что-то связано со мной!

– А Тонеч... Антонина здесь?

– Ага, Тонечка твоя здесь. Да только не про твою честь! – отрезал Лешка.

У меня диван ушел из-под задницы! Меня посетило понимание, что действительно что-то случилось и не только со мной, но и с Тонечкой Воробьевой!

– Апохмелись, Светлейший, – толстовским Петром Пер-

вым кинул мне Лешка, указав на стол, – пиво тебе привез.

Пиво я не любил. Состояние такого похмелья вообще было мне несвойственно.

Эта нелюбовь выражалась еще и социальной причиной. Недалеко от моего дома была торговая точка. Каждое утро машина привозила старую, обшарпанную железную бочку, оставляла с бочкой толстую и равнодушную продавщицу с невероятно яркой помадой на пухлых губах. К бочке выстраивалась огромная очередь из страждущих алкоголиков...

Эта бочка, с принадлежащим ей хвостом алкоголиков, отравляла жизнь всем жителям двора со всеми, сопутствующими этому отравлению, побочными эффектами.

Лешкино слово «пиво» в моем отравленном сознании представилось в виде как раз вот такой разливной бочки на колесах. Бочка стояла посреди мониторки, занимая почти все пространство. Пространство еще продолжало поворачиваться, хотя уже не так отчетливо. Зато бочка стояла неизбежно! Ярко-помадная продавщица, колыхая жировыми складками на лице и шее, тоном вокзальной дикторши строго проговорила: «Мужчина, шампанским не торгуем!»

Это представилось так ярко, что я даже почувствовал противный кислый пивной запах.

– А шампанского нет? – вполне серьезно спросил я.

– Да пошел ты! – в конец обозлился Лешка.

Бочка мгновенно растворилась, кислый запах остался.

– Куда?! – испугался я.

– Что, куда?! – испугался Лешка.

Я молчал.

– Значит, не поедешь? – еще раз попробовал прекратить разговор Лешка.

– Не поеду, – просительно ответил я.

– Ну и хрен с тобой, – совсем зло кинул мне Лешка и устремился к выходу.

Я медленно, в четыре приема, высосал содержимое бутылки. Долго сидел, прислушиваясь к процессам, происходящим внутри. Дурнота не прошла совсем. Она вообще не прошла, но я от нее как-то отстранился, отделился что ли...

Терзаясь неизвестностью, через какое-то время я поднялся на второй этаж.

После моего суточного дежурства, у меня должны были быть выходные. Но это не означало, что выходные наступили для всех. Была среда.

Наверху царил странная тишина, обычно несвойственная второму этажу. По закрытой двери кабинета начальника, я понял, что «Самого» нет. Это меня немного успокоило. За дверью лаборатории слышался шум, позвякивание лабораторного стекла. Я приоткрыл дверь и просунул голову в щель.

Лаборантка Леночка стояла ко мне спиной. По ритмичным движениям я определил, что она болтает какой-нибудь

колбой с реактивом.

– Лен, Лена! – очень осторожно позвал я.

Леночка вздрогнула, к ее ногам упала крошечная пробирка. Пробирка не разбилась, но брызнула своим содержимым Леночке на туфли. Явно находясь в ступоре, Леночка не отпрянула в сторону.

– Лен, – продолжал я, – ну ты что?

Наша Леночка, наша «серая мышка», наша тихоня медленно повернулась ко мне, явив на своем личике ярость и довольно заметные параллельные линии царапин, сжатыми губками прошипела: – пошел ты отсюда на хуй, козел безрогий!

Я оторопел! Теперь в ступор впал я сам. Зрение мобилизовалось настолько, что я разглядел в деталях царапины на лице, определил их природу – явный результат воздействия чьих-то ногтей, заметил медленно, но неотвратимо проявляющиеся пятна на Леночкиных туфлях от пролитого реактива.

– Леночка, – озвучил я часть своих догадок, – Леночка! У тебя... это... туфли проявляются...

Милая лаборантка Леночка непонимающе с минуту зло смотрела на меня, потом опустила глаза вниз, подняла... губки ее задрожали, и она безудержно зарыдала.

Это было столь неожиданно, что я не нашел ничего лучшего, чем ретироваться.

Я проходил мимо Исаевского кабинета. Внезапно дверь

распахнулась и, словно поджидая меня специально, из него вырвалась Тонечка Воробьева и с размаху залепила мне пощечину. Вспышкой в моих глазах отразилась эта бурная энергетика, тупо болью толкнулась в висках.

Я инстинктивно отпрянул.

Тонечкино лицо искажали как то:

1. Grimаса лютой ненависти.
2. Огромный фиолетовый синяк под левым глазом.

У меня душа ушла в пятки. Кислый страх поднимался снизу, из желудка и собирался у горла в тугой комок, угрожающий перекрыть мне воздух. Со скоростью света сознание перебирало варианты того, что произошло. Отсеивались неподходящие. Обозначилось понимание: «Боже мой! Я их что, бил?! Кто-то из них мне не дал и я их бил!»

Это понимание исчезло, не успев сформироваться до конца, из-за полной своей абсурдности. Доказательством моей невиновности были царапины на лице Леночки-лаборанточки. Бить – это одно, а царапаться – совсем другое. И тут во всей красе своей и во всем своем величии выступила истина! Эта истина устраивала всех: и Тонечкин синяк, и Леночкины царапины и даже Лешкину злость. И страшна была эта истина абсолютно! Я соблазнил лаборантку Леночку прямо в ее лаборатории; в порыве необузданной страсти нас застала Тонечка Воробьева! Ну конечно же! Они подрались. И по-

дрались они из-за меня!

Воображение нарисовало ужасающую по реальности картину: девчонки визжат, вцепившись друг другу в волосы, мелькают женские руки и ноги, я, со спущенными штанами, затравленно выглядываю из-за стеклянного шкафа с пробирками и колбами, а в дверях стоят ВСЕ. Впереди этих ВСЕХ толстым животом и шляпой выделяется Постнов, а сзади ВСЕХ пустобрехом Мишкой в полосатом галстуке подпрыгивает над толпой Исаев, выкрикивая: «И я, и я хочу посмотреть!»

Я не помню, как оказался за дверью, как добрался до мониторки.

Да! Ну... что-то теперь будет!

* * *

Ближе к обеду подошел мой сменщик Михаил, весь бледный, осунувшийся.

Мы в охране работали по графику сутки через трое, поэтому у меня должно было быть три сменщика. Но Исаев сэкономил фонд заработной платы, и у меня их было два. Поговаривали, что хотят взять третьего, но это и нам самим было не выгодно: смены, выделяемые на третьего, а значит и деньги, делились между нами: мы по очереди разбирали лишние смены.

И так двое. Как я уже сообщал, оба из бывших ментов.

Один Дима (его менял я) – мент по натуре, мент по бывшей профессии, мент по поступкам... и вообще – мент. Про него говорить не хочется, однако обозначить его придется.

Диму не любили все. «Наша поганка» – говорили про него за глаза. Он даже внешне походил на бледную поганку. Молодой мужик, с черепом лысым абсолютно (создавалось такое ощущение, будто он родился без волос и за всю свою жизнь не вырастил ни одной волосинки). Эта его лысина блестяла так, будто он специально натирал ее оливковым маслом, чтобы показать ее превосходство над другими лысынами, например лысиной Главного Инженера Постнова. Но дело даже не в лысом черепе. Во всем: в словах, в желаниях, даже в движениях, он рождал в моей голове этот ядовитый образ большой бледной поганки. В свое время я приложил немало усилий, используя все свое влияние только для того, чтобы составить смену таким образом, чтобы я сам его менял. Это было оправдано. Он очень любил придирааться ко всем по поводу и без повода. Поэтому было гораздо легче принимать смену у него (скорее бы ушел!), чем ему ее сдавать.

Тонечка Воробьева рассказывала (делая испуганные глазки), что в самом начале существования нашего предприятия, «Бледная поганка» – Дима было пытался подкатить к ней... Но сразу же получил жесткий отпор в виде рулона копировальной ленты от факса, с некоторым ускорением приложен-

ный к блестящей лысине. Дима-поганка, по натуре, был еще и труслив, опасался репрессий со стороны начальника, и отступил сразу. Я же возмечтал, при удобном случае, набить ему морду... хотя, по известной причине, не представлял, как это возможно.

Вторым сменщиком был, уже упомянутый выше, Михаил. Он являл собой полную противоположность Диме. Простой деревенский парень, добрый до невозможности, открытый и, через свою открытость и доброту, совершенно незащитный, к сожалению еще и очень глупый человек, непонятно по какой причине затесавшийся в среду ментов, был ими же и изгнан, как человек, несоответствующий духу советского милиционера.

Скажу по секрету, пустобрех Мишка, крупная совершенно безвредная, жизнерадостная дворняга, всю жизнь прожившая без имени вообще, был назван мною. И назван в честь моего сменщика Михаила.

Михаил выглядел плохо. Ему не следовало бы приходиться вообще, тем более, как я понял, никто этого и не требовал. Я уже довольно сносно себя чувствовал и вполне мог бы отработать за него смену. Однако Михаил был очень дисциплинирован и мучился уже от того, что пришел поздно.

Я был рад его приходу. Он мне нравился. Вряд ли от таких людей можно ожидать неожиданной подлости. Но моя радость имела и сугубо личный интерес: Михаил мог открыть мне глаза на то, что было вчера.

– Миш, – начал я совершенно нейтрально, – отлежался бы дома, я бы отработал. Чего вчера было-то?

Михаил посмотрел на меня внимательно.

– Ты чего, не помнишь? – удивился он.

– Почти ничего, – состроил я гримасу напряжения.

– Да траванулись мы! – устало проговорил он, садясь на диван. – Постнов где-то водки купил, хвалился, что по дешевке. Вот и результат. Сам пил мало, – продолжал мой сменщик. – Он с Алексеем куда-то отъезжал. Приехал с Исаевым.

Это сообщение меня напрягло. Вообще-то начальник мог быть, хотя с Постновым они всегда договаривались, корпоратив – это наше! Исаев почти не пил. Тем более, он не любил празднеств вообще. Я на этот счет имел свое мнение: начальник был тщеславен, ценил себя высоко. Понятно, что среди нас он чувствовал себя «не всей тарелке».

– Ну? – вывел я Михаила из внезапного оцепенения. Видно дурнота на него накатывала волнами.

Михаил пожевал губами, очень глубоко вздохнул, полез в карман брюк за платком.

– Исаев к нам присоединился, – вытирая пот с лица, вспоминал он.

– Иди ты! – искренне удивился я. – И что, пил с нами?

– Не-е, – продолжал жевать губами Михаил. – Ну, шампанского бокал или два.

– И долго он с нами-то?

– Мне кажется долго, – очень неуверенно произнес сменщик. – Ты знаешь, у меня тоже не все вспоминается. Помню... ты с ним очень много... спорил.

– Я?! – теперь мое лицо покрылось потом. – Как это спорил, о чем?

– Ну... – Михаил продолжал жевать губами, – вы не спорили, а дискутировали о чем-то или что-то обсуждали.

– И что в результате? – дознавался я.

– В результате все сильно опьянели.

– Постой, – не понимал я, – все опьянели в результате того, что мы с ним дискутировали?

Михаил минуту думал. Мне показалось, что он сейчас уснет.

– Нет, – не уснул Михаил, – просто все опьянели и слишком как-то сильно. Это заметил Постнов. Он еще спрашивал, мол, мы без него что, всю водку выпили?

– Ну а... это... – пытался я вернуть Михаила в нужную мне колею, – мы с Исаевым доспорили?

– Не помню, – мучился Михаил. – Вы странные и непонятные вещи говорили. Мне такое не интересно. Я курить пошел. Потом меня так накрыло!.. Я помню, Лешка меня домой вез. Он, наверное, всех развозил.

– А девчонки наши? – выжимал я из Михаила последние капли.

– Девчонки... – продолжал жевать Михаил, – я помню, что Тонька тоже в вашем споре участвовала. И знаешь, с та-

ким азартом! Мне кажется, она на твоей стороне была. Исаев злился, что у него не получалось вас переспорить.

– А Ленка? – допытывался я.

– Ленка тоже что-то говорила.

Я понял, что больше я из Михаила ничего не вытяну. Да и жалко мне его стало. Воспоминание о вчерашнем давалось ему нелегко.

Я не знал что делать. Остаться не имело смысла, а уходить на остаток этого и еще на день, так и не узнав, что случилось, я просто не мог. Оставался Постнов – Исаева я в расчет не брал. Ну, или Лешка все объяснит.

Постнова не было, я понял это, посетив второй этаж. На камерах цеха его тоже не было видно.

Делать нечего, я собрался уходить. И тут на уличной камере возникла Волга – Лешка приехал. Приехал не один, привез Постнова.

Лешка сразу прошел на второй этаж, Постнов в цех.

В цеху у нас работали электрики. Постнов говорил с ними, показывал что-то на бумаге.

Я подходил медленно. Мне было нужно увидеть и оценить реакцию Постнова. Подняв голову, Постнов взглянул на меня, тут же снова углубился в бумагу, никак не проявив ко мне интерес.

«Не узнал, что ли?» – предположил я.

Договорив с электриками, Постнов пошел в мою сторону.

– Михалыч, привет! – протянул я руку, как ни в чем не

бывало.

– Здорово... – довольно весело произнес Михалыч, – здорово, приверженец Ницше!

– Чего? – не понял я.

– Плохо выглядишь, – шурился Постнов. – Да, лоханулся я с водкой-то!

– Слушай, Михалыч, – просительно увещевал я, – чего вчера было-то? Не помню ничего!

– Эк тебя шибануло, – посочувствовал Михалыч. – Я тоже отравился. Всю ночь уголь глотал.

– Тебе проще, – завидовал я, глядя на его необъятное пузо, – у тебя вон сколько здоровья!

– Это точно! – согласился Михалыч. – Могу!

– Михалыч, – усилил я просительность тона, – я что, вчера... чего-то учудил?

Михалыч улыбнулся, погладил живот.

– Это точно, – повторил он.

– Что, все плохо? – я уже не мог терпеть неопределенности.

– Да не бери в голову, – по-доброму ответил Михалыч, – мало ли чего по пьянке не бывает! Мне сейчас некогда. Не могу говорить. У тебя вроде выходной, чего домой не идешь?

– Да, – с безнадежностью ответил я, – только недавно очухался. Сейчас пойду.

– Лешка свободный, – подлил масла в огонь Постнов, – попроси, отвезет.

Ну что же, я понимал, что остался один человек – Лешка.

Лешка сидел в курилке с Михаилом, они о чем-то тихо говорили.

– Леш, – дипломатично начал я неприятный разговор, – давай потрем. Ну, дело есть.

– Давай поговорим, – так же дипломатично ответил Лешка.

– Ты можешь меня домой отвезти, не дойду, наверное.

– Могу. Заодно и поговорим. Только в библиотеку заедем.

– Зачем? – ни к селу, ни к городу спросил я.

– За книгой. Ницше. Есть такой философ.

– ...Он же умер, – терял я чувство реальности.

Слова Лешки «Есть такой философ» воспринялись мною неправильно. Я представил, что мы не в библиотеку едем, а в квартиру, где живет Ницше.

Мне представилась квартира почему-то Тонечки Воробьевой. Родственники за обеденным столом, все с синхронностью водяных девушек-спортсменок пьют чай. Мы с Тонечкой рядом. Исаев напротив. Мы дискутируем. Философ Ницше, такой как на картинках, с улыбкой превосходства следит за нашим спором. Когда говорит Исаев, Ницше одобрительно кивает головой и шевелит огромными усами, которым позавидовал бы сам командарм Буденный!

– Кто умер? – ворвался своим вопросом в мое видение Лешка.

Ницше схватился за сердце и закатил глаза.

– Философ умер, – ответил я, выходя из оцепенения.

– Знамо дело – умер.

– Да что вы все про Ницше говорите? – разозлился я.

Лешка улыбнулся (слава Богу, возликовал в душе я).

– Это ты про него говоришь, – съехидничал Лешка.

« Все любопытственнее и любопытственнее», – тонким детским голоском проговорила в моей голове мульташная Алиса.

Мы ехали в город.

От езды меня подташнивало сильнее. Тревога от надвигающихся проблем усиливала этот эффект.

– Леш, – начал я первым, – понимаешь, я никому ничего плохого не хочу сделать. То, что я что-то вчера сотворил не то, я понимаю. Но я этого не помню, поэтому я и выводов никаких не могу сделать. Мне никто ничего не рассказывает, Тонька злая, как собака, дерется, представляешь! Михалыч занят (про Леночку я предусмотрительно промолчал). Я мучаюсь и не знаю, что делать. Помоги мне!

Лешка подъезжал к библиотеке.

– Кто бы мне помог, – задумчиво сам себе пробубнил Лешка.

Я мгновенно подобрал его слова, понимая, что обзавожусь некоторым инструментом в отношениях с Алексеем.

– Ты в машине останешься, – спросил он?

– Да, – изобразив головную боль, ответил я, – посижу.

Ждал я долго. Очевидно, в библиотеке Алексей записан не был, поэтому пришлось тратить на это время из-за одной то книги.

Когда Лешка вернулся, меня клонило в сон. Однако, предстоящий разговор, наверняка напряженный, меня тревожил. Когда Лешка открыл дверцу, я мгновенно мобилизовался.

Алексей не заводил двигатель.

Я внимательно слушал и проживал заново все то, что уже прожил. В этом проживании не было ничего хорошего. Не убаюканный ядовитой водкой, я смотрел на героя Лешкиного рассказа, то бишь меня самого, с ужасом. Этот герой мне был незнаком и очень неприятен.

Из Лешкиного рассказа следовало вот что: от Постновской водки все действительно стали быстро и безобразно пьянеть. Тонечка Воробьева и Леночка-лаборанточка водку не пили (для девочек было красное вино и шампанское). Потом Лешке на мобилу позвонил Исаев. Он увез Постнова, а мы продолжали безобразно пьянеть. Когда Алексей с Постновым вернулись, мы были уже в хорошем таком неадеквате. Исаеву нужно было протянуть время, и он снизошел до нашего общества. Как-то сам по себе зашел разговор о сложностях бытия. И тут меня понесло!

Очевидно, Исаев никак не ожидал от простого охранника такого «Глубокого познания тонкости мира» – это он сам так заявил – его самолюбие было задето. Он не просто втянулся в дискуссию, а буквально кинулся в бой!

Мы говорили о многообразии несоответствия различных философий, отстаивали свои приоритеты и точки зрения, и видно было по всему, что начальник не тянет против своего подчиненного – плебея, понимает это и от этого злится.

– Ты говорил о Ницше, сыпал цитатами, – объяснял Лешка, – Исаев с тобой не соглашался, говорил, что Ницше – террорист, и его нужно повесить за яйца!

– Что, – удивился я, – так и говорил?

– Да, – подтвердил Лешка, – именно так и говорил! Потом он еще говорил о каком-то философе Грише Шмуле...

– Шмуэле Гирше, – неожиданно для себя самого поправил я Лешку.

Лешка замолчал и очень внимательно посмотрел на меня.

Из последующего его рассказа выходило: Тонечка Воробьева втянулась в спор, и было ясно, что она в теме философии вовсе не слаба и имеет свое собственное мнение (которое впрочем, полностью совпадало с мнением моим).

Рассказывая, Лешка улыбался, и теплота его улыбки растапливала тугой комок моей тревоги.

Мы спорили долго. Лешка говорил, что было забавно наблюдать, как пьяная речь моя заводила трезвого начальника, и что он не мог остановиться. Все уже давно молчали, говорили только мы с Исаевым. Потом мы как-то одновременно выдохлись и остановились. За столом повисла тишина. Через минуту я, как бы очнулся, и, видно, ничего не замечая вокруг, уверенно произнес: «Какая уж тут не была бы фи-

лософия, а Ленку я все-таки трахну! Прямо в лаборатории и трахну!»

Вот тут я потерял дар речи! Такого конца я никак не ожидал! Я понимал про себя, что наша «серая мышка», какой-то беззащитностью своей, была мне очень даже симпатична. Какие-то мимолетные мысли в отношении близости с ней естественным образом проносились через сознание, но серьезно об этом я не думал... а тут такое! И про это мне рассказал Алексей, который сам к Леночке неровно дышал.

– Подожди, Леша, подожди, – бубнил я совершенно сбитый с толку, – подожди. Тут что-то не так. Понимаешь, это мне не свойственно, это все неправильно...

– Что несвойственно, – ехидно и зло спросил Лешка, – философия или Ленка?

– Философия тут не при чем, – оправдывался я, – ты же знаешь, мне... мне Тоня нравится.

– Как нравится? – продолжал ехидничать Лешка.

– По всякому нравится... – не понимая, что несу, искал выход я, – и что теперь?

– Ну, не знаю, – становился серьезным Лешка, – теперь все думают, что ты не тот, за кого себя выдаешь. Дима так и заявил: ты – немецкий шпион.

Не знаю, какой вариант происходящего вчера, мог бы быть для меня хуже! Во всяком случае, я такой вариант не

предполагал вовсе.

– Леш, – начал я, стараясь объясниться хотя бы с ним, – понимаешь, мы все немного не такие, какими кажемся. Это нормально. Но я стараюсь говорить на таком языке, которого от меня ждут, то есть быть понятным. Ну, видно тут другая ситуация, водка паленая, и все такое... Вот и слетели тормоза. Понимаешь, я не виноват, честное слово. Ну... так получилось.

Мы долго молчали. Я переваривал услышанное. Оно не переваривалось, вызывая тошноту.

Чтобы поддержать разговор, я указал на книгу.

– А это зачем? – спросил я.

– Да вот, – улыбнулся Лешка, – Исаев велел. Видно ты его здорово заинтересовал своими бреднями.

* * *

Лешка отвез меня домой. Пока ехали, молчали. Я устал от обилия всего происшедшего. Только когда подъехали к моему дому, я понял, что именно сейчас надо как-то исправлять ситуацию. Судя по всему, Алексей особо никуда не торопился. Поговорить стоило.

– Леша, – начал я серьезно, – мне сейчас трудно все это переварить... Многое для меня непонятно...

Алексей слушал.

– Того, что произошло, не должно было быть. Это все странно и неправильно. Я не хочу никому ничего плохого...

– Ты это уже говорил, – нервно бросил он.

– Говорил, знаю, еще скажу. А больше всего я не хочу плохого тебе!

– Ты и там за столом не хотел мне плохого? – съехидничал Лешка.

– Леш, – мучился я, – там не пойми что происходило. Это не простое опьянение, отравились же все. Я тебе обещаю, я клянусь тебе, никогда я Лену трогать не буду. Никогда!

– А она сама, как ты думаешь, в какую сторону тогда смотрела? – повысил Лешка голос.

– В какую? – не понял я?

– На тебя она смотрела! – почти прокричал Алексей.

– Зачем? – продолжал тупить я.

Лешка ничего не ответил. Мы с минуту помолчали. Он прикурил вторую сигарету, пару раз очень глубоко вдохнул ароматный дым (Лешка курил только сигареты с ментолом).

Я искал выход из положения, и понял – что угодно, но теперь врать нельзя!

– Леша, – начал я осторожно, – мне очень неприятно, что так получилось, поверь, и я, если честно, совершенно не знаю, что делать. И еще я понимаю, что я один ничего исправить не могу. Давай поможем друг другу. Я могу тебе помочь, помоги и ты мне.

Лешка молчал. Сигарета подходила к концу. Он достал пачку и собирался прикуривать уже третью, но замер и пачку убрал. Было видно – он сильно волнуется.

– Не представляю, – неуверенно протянул он, – как тут

можно помочь.

Я заговорил уверенно, чтобы немного продавить его непонимание.

– Виноват, конечно, во всем я, – признавал я, – мне и расхлебывать. Я поговорю с Леной. Только тебе нужно ее подготовить.

– Не надо, – отрезал Лешка, – не надо нам такой помощи!

– Подожди, подожди, – заторопился я (не пропустив, впрочем, Лешкиной оговорки «нам»). Ты послушай сначала. Сейчас девчонки на меня злятся и это понятно. Ситуация застыла на месте, и, поверь, всем это напряжение неприятно. Каждый хочет, чтобы это напряжение закончилось. Кому-то нужен один результат, кому-то другой. Но все хотят конца. Всем неприятно. Если ты подойдешь к Лене и скажешь например, что Женька, мол, места себе не находит, плохо ему. Считает себя виноватым, хочет извиниться и все такое... Но боится, что ты не примешь его извинения... Понимаешь, тогда она должна будет что-то сказать. И я уверен, что дело пойдет. А уж там я не просто успокою ситуацию, я поговорю с ней, про тебя скажу, что именно ты разрулил все, именно ты решил все проблемы, скажу правду, что ты – замечательный парень, не то, что я...

Лешка долго молчал, но и не возражал.

– Ну ладно, – поняв что-то свое, ответил он, – ты оправдаешься, и что дальше?

– Дальше, что-то ты скажешь Тоне. Может быть примерно

тоже самое. Ленка с Тонькой сейчас в контрах. А тут они помирятся. Я думаю, по женскому своему обычаю они сами меня реабилитируют.

– Ты все время говоришь про себя... – начал Лешка.

– Так я же один и виноват! – выдал я уже давно заготовленный ответ. – Но ты не думай, что я собираюсь ограничиться только одной моей реабилитацией. Все, что я предлагаю, направлено на то, чтобы девчонки помирились. Я очень надеюсь, что так и будет. Я надеюсь, что и мы с Тоней помиримся. Я буду рассказывать ей про тебя, про то, что ты отличный парень и все такое... Она Лене будет рассказывать.

– Вот этого не нужно, – обидчивым тоном проговорил Лешка. – Я сам, как-нибудь.

– Леш, это не сводничество, – искренне говорил я, – поверь. Иногда женщине про парня просто необходимо на что-то указывать, я уж знаю, поверь мне!

– Все равно не нужно, – твердо ответил мой друг. – Ладно. Я поговорю с ними обеими. Не знаю, что получится, но поговорю. Все равно нельзя так оставлять всю эту ситуацию.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я решил использовать мои выходные для своей реабилитации. Оставшийся после меня Мишка лучше всего подходил для этого. Ближе к вечеру я пришел на работу. Мишка лежал на диване и читал газету.

– Чего пишут? – спросил я, не собираясь слушать его ответ.

– Ты чего вернулся? – не ответил Мишка. – Забыл чего?

– Да нет, свои дела у меня тут.

– А-а-а, – неопределенно протянул Мишка, и, как ни в чем не бывало, уставился в газету.

– Я антенну пришел делать, – не рассчитывая на Мишкин интерес, просто так сказал я, – Исаев собирается нам радики покупать.

Мишка не сразу ответил. Наверное, ему нужно было время, чтобы рассредоточить тему в газете и мою тему.

– Это дело, – переключил на меня внимание мой сменщик.

– Короче, я на крыше буду работать, – инструктировал я его, – только перед этим трубок в цеху наберу.

– Валяй, – безразлично ответил Михаил, не отрываясь от газеты.

«Порнуха у него там, что ли?» – посетовал я и полез на крышу.

В эти мои два выходных я, без всякой романтики и экзотики, полностью сварганил антенну. Сделал более прочные крепления, установил. Кабель скинул к окну мониторки, хоть и временно, но довольно красиво завел его внутрь помещения.

Подходила моя смена. Она приходилась на субботу, и это было удобно. Персонала никакого, начальства нет. Я принес на смену небольшую автомобильную станцию общего диапазона (такими станциями еще таксисты пользуются), две переносных на тот же диапазон, блоки питания к ним.

Скажу честно, занялся я этим не только по просьбе Исаева. Решив тряхнуть стариной, я планировал оборудовать в мониторке радиоточку и общаться со всем миром, чтобы облагородить и без того благородное существование свое в такой скучной (без Тонечки Воробьевой) мониторке.

Быстро все скомпоновав, я запустил автомобильную станцию. Сигнал был мощный, качественный. Я пошарил по эфиру, очень быстро определил границы устойчивой связи, нашел в эфире многих своих знакомых радиолюбителей.

С этого времени дерево моей жизни на работе обрело еще одну ветвь. Ветвь мощную, увлекательную. Ну и заодно определялось, как организовать радиосвязь для нашей охраны. Эта охранная связь должна была быть другого диапазона, никаких антенн на крыше не требовала.

Полночи я работал в эфире. К утру надоело.

Чтобы не проспать, заранее принес из дома новый будильник.

Утром кипятильником в литровой банке сварил очень крепкий кофе. Предстояла встреча с Исаевым – я хотел быть

бодрым.

* * *

Лешка привез Исаева. Странно... Воскресенье. Никогда раньше он не жаловал нас своим визитом в выходные дни. Это меня испугало.

Я уже кемарил у мониторов, готовый ко всему.

«Точно, – стремительно падал я духом, – по мою душу приехал. Специально из-за меня приехал».

– Иди к начальнику, – Лешка стоял на пороге, – вызывает. Поторопись, уезжаем сразу. К тебе приехал.

– Ну вот и все, – коснулся мой дух дна пропасти.

Я ничего не спрашивал Лешку. Он сам также ничего не говорил.

Я встряхнул буйной головушкой и гордо, пошел на заклание.

Исаев в своем кабинете стоял ко мне спиной.

– Александр Николаевич, – бодро начал я, – чего это вы в выходной-то?

– Выходной, выходной, – бубнил под нос начальник, – выходной.

Потом он сел за свой стол и стал перебирать документы в толстой папке.

– Выходной... – продолжал он свою песню, – у тебя выходной.

Я чувствовал, что Исаев ведет себя непонятно. То ли он нерешительный такой, не знает, как начать разговор со мной, то ли он настолько чем-то озабочен, что ему вообще не до меня.

Я не равнодушный человек, моя тревога достигла предела, поэтому я решил форсировать события.

– Александр Николаевич, – опустил я глаза в пол, – Александр Николаевич, я теперь не знаю что делать!

Исаев поднял на меня глаза. Странно, но в них я не увидел того, чего так боялся. Начальник смотрел на меня с прищуром, но как-то вовсе не зло. Меня это сбивало с толку, я не знал, какую линию поведения выбрать.

– Натворил я... там... на корпоративе... – мямлил я.

– Да, уж, – весело ответил Исаев, – натворил!

– И что теперь мне делать? – пошел я в разведку.

– Ну, не знаю, – просто ответил Исаев, – не знаю... Чего ты меня-то спрашиваешь? Сам и разбирайся. Ладно. Я тебя вот о чем хотел спросить... Я... да и не только я – все, не предполагали в тебе такого! Ты понимаешь меня?

Я выдержал паузу.

– Чего ж не понимать. Понимаю.

– Тебя побаиваются... теперь, – серьезно заявил начальник, – потому что не понимают. А мне этого не нужно.

Я выдержал еще более длинную паузу. Я не мог понять, что означали его слова. Уж очень было похоже – он тонко намекал мне на то, что я не вписывался в коллектив со всеми

вытекающими из этого последствиями.

– Александр Николаевич, – начал я очень серьезным тоном, – я такой, какой есть. Специально ничего не таю и не скрываю. Просто в коллективе простых людей я стараюсь простым и быть. Вот Диму нашего возьмите? Выпячивается, надувает свою значимость, а сам...

– Это точно, – повеселел Исаев.

– У меня много интересов, я многим увлекаюсь. Ну, вот так получилось в прошлый раз, кто же это предвидеть мог?

Я сознательно делал паузы.

– Я жалею, что спорил с Вами, – сделал я первый пристрелочный выстрел.

– Почему? – искренне удивился начальник.

– Понимаете, Александр Николаевич, я не помню деталей. Мы все траванулись какой-то гадостью. Я наверное лишнего наплел... извините!

– Ну... кое-что наплел. Не всем это понравилось. Ну а так, ничего такого криминального, в общем! – неожиданно по-доброму ответил Исаев, – мне даже интересно было. Хотя... хотя ты меня разозлил немного.

Исаев замолчал. Молчал и я. И еще я сознательно не раскрывал, того что знаю о своей нелепой фразе.

– Ладно. Это все оставим... пока, – напустил на себя строгость начальник, – девушки наши дуются друг на друга. В общем, как хочешь, но надо их помирить. Мне вражда не нужна. Особенно бабская.

Я молчал. Я реально не знал, что говорить. Я хотел, уж было рассказать, что кое-что предпринял уже, но, заметив некоторую нетерпимость Исаева, не стал этого делать.

– Ладно, – спокойно сказал Исаев, – мы с Алексеем уезжаем. Ты отдыхай. Может быть, мы продолжим этот разговор.

– Александр Николаевич, – заторопился я, – Александр Николаевич...

– Ну что еще, – выказал он раздражение.

– Я антенну сделал уже и свою рацию опробовал, – замаливал я грехи.

– Я видел, – улыбнулся начальник. – Ладно, потом.

Исаев еще оставался, а я пошел вон. На подоконнике широкого офисного окна лежала книга Фридриха Виильгельма Ниицше «Так говорил Заратустра». Где-то из середины торчала белая ленточка закладки.

* * *

Домой я шел обычной своей дорогой. Через лес. Великолепная летняя погода постепенно приводила к прекрасному настроению. Я понимал, что со стороны начальника репрессий не будет. С Алексеем я помирюсь обязательно – тут я даже не сомневался. Девчонки... Ну, Леночка-лаборанточка – несложный орешек, думаю, подберу к ней ключики. А вот Тонечка Воробьева!

Ну, Тонечка Воробьева имеет инструмент, который не

даст ей долго на меня дуться.

Кусты, мимо которых я шел, по-прежнему приглашали в гости, и по-прежнему не только меня одного.

К сожалению, на работу с Тонечкой Воробьевой мы ходили, хоть и одной дорогой, но в разное время. Моя смена начиналась двумя часами раньше, а кончалась на следующие сутки, пока сотрудников еще не было. При желании это несоответствие во времени можно было исправить, но пока до такого еще не доходило.

Я пришел на работу в свой второй выходной. Как я обещал Исаеву, надо было походить с рациями, посмотреть, как работают. Интересно было всем, ну, и мне тоже.

Территория нашего предприятия была относительно невелика, честно говоря, необходимость в базовой станции была призрачна. Но ведь я, как уже писал ранее, делал радиоточку для себя, а обеспечить всю нашу охрану связью я планировал совсем другими аппаратами.

Я посадил за свою базовую станцию Михаила, объяснил, как ею пользоваться, сам пошел по территории.

Я бродил по огромной площади всего завода, выходил далеко за ее пределы в город (забрел даже в лес с вожделенными гостеприимными кустами) – везде связь была устойчивой.

Ну что же, своими прогулками я был вполне доволен. Мне было с чем идти к начальнику.

К следующему моему дежурству, Лешка сдержал свое слово, да я и не сомневался в этом. С Тонечкой Воробьевой он поговорил. Это выразилось в ее звонке ко мне в мониторку. Звонок огорошил меня неожиданностью и короткостью.

Был очень поздний вечер. Болтать по рации надоело, я ту-по сидел перед мониторами и занимался своим любимым делом: представлял в горах алюминиевой стружки всякие разнообразные (в основном хулиганские) фигуры.

Когда в одной из куч металла ясно вырисовалась морда пустобреха Мишки с высунутым неестественных размеров языком и в шляпе Постнова, раздался телефонный звонок. Я протянул к трубке руку. По какой-то привычке (не помню по какой), я всегда выдерживал паузу, давая собеседнику обозначиться первым. Наверное, это давало мне преимущество. Я успевал придумать, как и о чем начинать разговор. Но в этот раз мой телефонный собеседник никак не обозначался. Алюминиевый Мишка насторожился. На том конце телефонной линии, довольно заметно кто-то сопел. Алюминиевый Мишка узнал собеседника (вернее собеседницу) первым и весело подмигнул мне алюминиевым же глазом.

– Приходи! – коротко отрезала Тонечка Воробьева и повесила трубку.

Я задумался. Столь грандиозная неопределенность в словах Тонечки Воробьевой предполагала только одно направ-

ление: я прощен. Больше никакого смысла ее звонок не нес.

Мне была нужна помощь. Я внимательно всмотрелся в экран монитора. Алюминиевый кабыздох Мишка меня не интересовал. В другой куче металла я изо всех сил своего необузданного воображения выкристаллизовывал Философа Ницше. Философ никак не выкристаллизовывался (лезла лукавая рожа уже привычного Мишки). Усилием воли я настойчиво вызывал дух Ницше. Наконец начались прорисовываться знакомые черты старика. Философ прорисовался еле узнаваемым, гротескным, с одним усом (на второй, вероятно, не хватило алюминия).

Я зафиксировал в своем воображении эту карикатуру, вздохнул и голосом медиума возгласил: «Приветствую тебя, о великий дух Ницше!»

Великий дух испуганно моргнул (это слетел сидевшая на куче алюминиевой стружки непонятно как залетевшая в цех ворона).

«Не скажешь ли ты мне, – продолжал я басить, – куда и когда звала меня дева сия, дочь Сиона, имя которой известно нам обоим?»

Одноусый алюминиевый Ницше с ужасом смотрел на меня с экрана монитора и молчал. Один его глаз нервно подергивался (в цеху иногда гулял ветер).

«Не пойду» – решил я. Пусть помучается.

Я достал из многофункционального шкафа подушку и лег на диван, порассуждать на сон грядущий, над сложно-

стью жизненного бытия, в общем, и в частности. Последняя мысль, которую я запомнил: утро вечера мудренее.

* * *

Утро действительно оказалось мудренее. Оно выкинуло два варианта. Первый – самый простой – взять да и позвонить Тонечке Воробьевой и пусть сама скажет, что она имела в виду. Но мне этот вариант не нравился по нескольким причинам: во-первых, милая Тонечка может сразу бросить трубку... да и еще вполне успев ласково назвать меня... козлом безрогим (на манер выражения Леночки-лаборантки); во-вторых, трубку мог взять кто-то другой. Ни первого, ни второго мне не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.